

Анонимность донорских программ в репродукции человека: этико-правовой анализ

И.Г. Полякова^{1✉}, А.В. Швецова¹, М.В. Валеева¹, А.А. Лебедева²

¹ Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», ул. Мира, д. 19, г. Екатеринбург, 620062, Россия

² Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева», ул. Комсомольская, д. 21, г. Екатеринбург, 620066, Россия

АННОТАЦИЯ

Введение. Развитие донорских программ и стремительный рост числа детей, рожденных с помощью вспомогательных репродуктивных технологий, актуализирует вопрос доступности для них информации о генетических родителях. Эта этически-правовая дилемма сопряжена с физиологическими (кровосмешение), психологическими (самоидентификация и определение родства), социальными (восприятие окружающими) рисками и требует внимания медицинского сообщества как основного актора процесса.

Цель исследования: проведение этико-правового анализа различных подходов к анонимности донорских программ в репродуктивной медицине, сравнение моделей открытого и анонимного донорства. Особое внимание уделено выявлению рисков, связанных с деанонимизацией доноров, и анализу ограничений и преимуществ каждого из подходов. **Методы.** Процедура исследования включала в себя последовательное выполнение следующих шагов: сравнительно-правовой анализ, анализ этических аспектов проблемы применения вспомогательных репродуктивных технологий, качественный анализ рисков. **Результаты.** Выявлены и описаны основные модели донорских программ: анонимное донорство, получение биоматериала от известного донора (родственника или друга реципиента) и открытое донорство, которое указывает на потенциальную доступность к идентифицирующей информации донора. Выбор модели обусловлен политико-правовыми рамками и культурными нормами, действующими в данном обществе. В Российской Федерации функционирует триединая модель донорства, которая позволяет реципиенту самостоятельно принимать решение об анонимности программы. В этой ситуации решающая роль в формировании политик открытости отводится клиникам репродуктивной медицины. Этические противоречия отражены в научном дискурсе. Сторонники открытого донорства апеллируют к идее ценности информации о рождении для генетического и психологического благополучия ребенка. Свободный доступ к информации о донорах предполагает трансформацию института семьи в сторону увеличения вариативности форм и переосмысления взаимосвязи генетического и социального родства. С другой стороны, ученые обеспокоены тем, как эта трансформация отразится на конкретных семьях, стремящихся поддержать собственную нормотипичность. В заключительном разделе сформулированы основные риски деанонимизации доноров генетического материала: снижение числа доноров, психологическое давление на доноров и внутрисемейные конфликты. Показано, что существуют законодательные механизмы, способствующие их минимизации. **Заключение.** В мировой практике не существует единства в этико-правовом толковании анонимности донорских программ в репродукции человека, но рост числа донорских программ позволяет предполагать, что их деанонимизация неизбежна. Научное сообщество на сегодняшний день не выработало согласованной позиции по этому вопросу, расходясь в ключевых аргументах: приоритет интересов и влияние на институт семьи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: репродуктивная медицина, вспомогательные репродуктивные технологии, ВРТ, репродуктивное донорство, бездетность, этико-правовой анализ

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Полякова И.Г., Швецова А.В., Валеева М.В., Лебедева А.А. Анонимность донорских программ в репродукции человека: этико-правовой анализ. *Кубанский научный медицинский вестник*. 2025;32(6): 96–106. <https://doi.org/10.25207/1608-6228-2025-32-6-96-106>

ИСТОЧНИК ФИНАНСИРОВАНИЯ: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00478, <https://rscf.ru/project/25-28-00478/>

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ДЕКЛАРАЦИЯ О НАЛИЧИИ ДАННЫХ: данные, подтверждающие выводы настоящего исследования, можно получить у корреспондирующего автора по обоснованному запросу.

СООТВЕТСТВИЕ ПРИНЦИПАМ ЭТИКИ: данный вид исследования не требует прохождения экспертизы локальным этическим комитетом, исследование проведено с опорой на кодекс ESOMAR.

ВКЛАД АВТОРОВ: И.Г. Полякова, А.В. Швецова, М.В. Валеева, А.А. Лебедева — разработка концепции и дизайна исследования; И.Г. Полякова, А.В. Швецова, М.В. Валеева, А.А. Лебедева — отбор и анализ литературы, подготовка и редактирование текста; И.Г. Полякова, А.В. Швецова, М.В. Валеева, А.А. Лебедева — анализ и интерпретация результатов; И.Г. Полякова, А.В. Швецова, М.В. Валеева, А.А. Лебедева — составление черновика рукописи и формирование его окончательного варианта; И.Г. Полякова, А.В. Швецова, М.В. Валеева, А.А. Лебедева — критический пересмотр черновика рукописи с внесением ценных замечаний интеллектуального содержания. Все авторы одобрили финальную версию статьи перед публикацией, выразили согласие нести

ответственность за все аспекты работы, подразумевающую надлежащее изучение и решение вопросов, связанных с точностью и добросовестностью любой части работы.

✉**КОРРЕСПОНДИРУЮЩИЙ АВТОР:** Полякова Ирина Геннадьевна, кандидат социологических наук, заместитель директора по общим вопросам Уральского гуманитарного института федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина». Адрес: ул. Мира, д. 19, г. Екатеринбург, 620062, Россия. E-mail: irinapolykova@yandex.ru

Получена: 23.01.2025 / Получена после доработки: 09.10.2025 / Принята к публикации: 13.11.2025

Donor anonymity in human reproduction: An ethical and legal analysis

Irina G. Polyakova¹✉, Anastasia V. Shvetsova¹, Marina V. Valeyeva¹, Anastasia A. Lebedeva²

¹Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 620062, 19, Mira St., Yekaterinburg, Russia

²V.F. Yakovlev Ural State Law University, 620066, 21, Komsomolskaya St., Yekaterinburg, Russia

ABSTRACT

Introduction. The development of gamete donation programs and the rapid increase in the number of offspring born from assisted reproductive technologies have raised questions about access to biological identity information. This ethical and legal dilemma is linked to physiological risks (consanguinity), psychological risks (self-identification and defining kinship), and social risks (perceptions by others), and requires the attention of the medical community as the primary actor. **Aim.** To provide an ethical and legal examination of different approaches to reproductive donor anonymity, comparing models of open and anonymous donation. Special attention is given to the risks associated with de-anonymizing donors and to analyzing limitations and advantages of each approach. **Methods.** The study included a comparative legal analysis, followed by an ethical analysis of assisted reproductive technologies, and concluded with a qualitative risk assessment. **Results.** The main donation models are identified and described: anonymous donation, the use of biomaterial from a known donor (a relative or friend of the recipient), and open donation, which implies potential access to identifying information about the donor. The choice of model is determined by the political and legal framework and cultural norms within a given society. The Russian Federation features a three-tiered donor model that allows the recipient to decide on anonymity themselves. In this context, reproductive medicine clinics play a crucial role in shaping openness policies. Ethical contradictions are reflected in scholarly debates. Advocates of open donation appeal to the value of birth-related information for the child's genetic and psychological well-being. Free access to donor information presupposes family institution transformation towards greater variability of family forms and a reinterpretation of links between genetic and social kinship. On the other hand, researchers express concern about how this transformation may affect individual families seeking to preserve their own normativity. The final section outlines the main risks of de-anonymizing donors: a decline in donor numbers, psychological pressure on donors, and intra-family conflicts. Existing legislative mechanisms to mitigate these risks are described. **Conclusion.** There is no global consensus regarding the ethical and legal interpretation of donor anonymity in human reproduction, yet the growing number of donation programs suggests that their anonymity is likely to be removed. To date, the scientific community has not developed a unified position on this issue, differing primarily in two key arguments: the prioritization of interests and the impact on family institution.

KEYWORDS: reproductive medicine, assisted reproductive technologies, ART, reproductive donation, infertility, ethical and legal analysis

FOR CITATION: Polyakova I.G., Shvetsova A.V., Valeyeva M.V., Lebedeva A.A. Donor anonymity in human reproduction: an ethical and legal analysis. *Kuban Scientific Medical Bulletin*. 2025;32(6): 96–106. <https://doi.org/10.25207/1608-6228-2025-32-6-96-106>

FUNDING: The study was supported by the Russian Science Foundation under grant No. 25-28-00478, <https://rscf.ru/project/25-28-00478/>

CONFLICT OF INTEREST: The authors declare no conflict of interest.

DATA AVAILABILITY STATEMENT: Data supporting the findings of this study are available from the corresponding author upon reasonable request.

COMPLIANCE WITH ETHICAL STANDARDS: This type of research does not need approval from a local research ethics committee. The study was conducted in accordance with the ESOMAR code.

AUTHOR CONTRIBUTIONS: I.G. Polyakova, A.V. Shvetsova, M.V. Valeyeva, A.A. Lebedeva — concept statement and study design; I.G. Polyakova, A.V. Shvetsova, M.V. Valeyeva, A.A. Lebedeva — literature review, preparing and editing of the manuscript; I.G. Polyakova, A.V. Shvetsova, M.V. Valeyeva, A.A. Lebedeva — analysis and interpretation of the results; I.G. Polyakova, A.V. Shvetsova, M.V. Valeyeva, A.A. Lebedeva — drafting of the manuscript and preparation of its final version; I.G. Polyakova, A.V. Shvetsova, M.V. Valeyeva, A.A. Lebedeva — critical review of the manuscript with introduction of valuable intellectual content. All authors approved the final version of the paper before publication and assume responsibility for all aspects of the work, meaning that issues related to the accuracy and integrity of any part of the work are appropriately examined and resolved.

✉**CORRESPONDING AUTHOR:** Irina G. Polyakova, Cand. Sci. (Sociology), deputy director for general issues, Ural Institute of Humanities, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. Address: 620062, 19 Mira st., Yekaterinburg, Russia. E-mail: irinapolykova@yandex.ru

Received: 23.01.2025 / Revised: 09.10.2025 / Accepted: 13.11.2025

ВВЕДЕНИЕ

Анонимность доноров гамет является одним из наиболее активно обсуждаемых аспектов применения вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ). В частности, много внимания в международной научной литературе уделяется правовому регулированию ВРТ и вопросам, связанным с правом детей, рожденных с помощью ВРТ, узнать личность своего генетического родителя (донора спермы/яйцеклетки) [1]. Эти вопросы рассматриваются как в контексте конкретных стран и их систем законодательного регулирования в области ВРТ и соответствующих практик правоприменения, так и в контексте общемировых трендов.

Раскрытие личности доноров гамет прежде всего требуется для предотвращения кровосмесительных связей между потомками одного и того же донора, что особенно актуально, если от одного донора было рождено большое количество детей. Так, в марте 2023 года голландский фонд репродуктивного материала «Donorkind» подал в суд на Джонатана Джейкоба Мейера¹, донора спермы, который, по разным данным, смог стать отцом более 550 детей и не собирается останавливаться на достигнутом. Истцом также выступила одна из женщин, родившая ребенка от данного донора, но, учитывая существующие в Голландии ограничения (не более 25 детей, зачатых от одного донора), не подозревавшая на момент зачатия о количестве биологических братьев и сестер своего сына. Учитывая описанный пример, вполне возможно существование других, как открытых, так и анонимных доноров, которые являются биородителями большого количества детей.

В большинстве стран, где нет запрета на донорство гамет, существуют обязательные/добровольные реестры доноров [2], которые позволяют на национальном уровне вести учет потомства, рожденного от одного донора, и своевременно контролировать этот процесс либо дают возможность детям, рожденным от донорского материала, получить сведения о своих биологических родителях и сиблингах. Но и в этих странах нет единства относительно числа детей, которые могут быть зачаты и рождены от одного донора: спермой одного и того же донора могут пользоваться от 5 до 10 семей в Австралии в зависимости от штата, до 5 женщин в Китае, до 10 супружеских пар в Великобритании. Либо может быть установлен предел для использования спермы донора после рождения от него 20–25 детей на 800 тыс. населения региона [3].

Россия является одной из немногих стран, где применяется триединая система донорства гамет (можно выбрать из трех вариантов донорства: анонимное, открытое, известный донор) [4]. В настоящее время в нашей стране отсутствует система официальных (как и добровольных) реестров учета доноров [5]. Более того, учитывая высокий спрос на донорские гаметы, каждый медицинский центр (банк генетического материала, агентство) тщательно оберегает сведения о своих успешных донорах. Вместе с тем

общее количество циклов ВРТ в России ежегодно увеличивается², что приводит к увеличению и количества циклов с донорским материалом.

Таким образом, возможность инбридинга (форма гомогамии, скрещивание близкородственных форм в пределах одной популяции), инцеста или психологических проблем детей, рожденных с применением ВРТ, увеличивается с каждым годом. Важно также учесть, что вопрос анонимности доноров затрагивает не только сферу близкородственных связей, но также право ребенка знать правду о своем рождении, право донора на частную жизнь и право реципиента на полную нуклеарную семью.

Цель исследования — проведение этико-правового анализа различных подходов к анонимности донорских программ в репродуктивной медицине, сравнение моделей открытого донорства, закрепленных в ряде европейских стран, и анонимного донорства, характерного для других. Особое внимание уделено выявлению рисков, связанных с деанонимизацией доноров, и анализу ограничений и преимуществ каждого из подходов.

МЕТОДЫ

Процедура исследования включала в себя последовательное выполнение следующих шагов: сравнительно-правовой анализ, анализ этических аспектов проблемы применения ВРТ, качественный анализ рисков. На первом этапе мы изучили особенности законодательных норм, регулирующих донорские программы в европейских странах и России, с целью выявления ключевых различий в подходах к анонимности доноров. Анализ этических аспектов проблемы применения ВРТ предполагал рассмотрение вопросов, связанных с правами доноров, реципиентов и детей, рожденных с использованием донорских материалов, в контексте различных моделей донорства.

Заключительный этап — рассмотрение рисков, связанных с деанонимизацией донорских программ, включая их возможные последствия для доноров и реципиентов. Мы сосредоточились на выделении преимуществ и ограничений обеих моделей на основе полученных результатов, стремясь показать, что каждая из них обладает как сильными, так и слабыми сторонами, требующими учета при их применении и дальнейшем совершенствовании.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Сравнительно-правовой анализ

Сравнительный анализ законодательных систем показывает, что в мировой практике не существует единства в этико-правовом толковании анонимности донорских программ в репродукции человека. В настоящее время действуют несколько моделей: анонимное донорство (anonymous donation), получение биоматериала от известного донора (known donor) (часто это друг, знакомый или член семьи реципиента, но это может быть и донор, предлагающий свои услуги на специализированных

¹ Stichting Donorkind, 2023. *Stichting Donorkind en gedupeerde moeder stappen naar de rechter om massadonor te stoppen*. Available: <https://donorkind.eu/persbericht-stichting-donorkind-en-gedupeerde-moeder-stappen-naar-de-rechter-om-massadonor-te-stoppen/> (дата обращения: 10.01.2025).

² Российская ассоциация репродукции человека. Available: <https://rahr.ru> (дата обращения: 10.01.2025).

сайтах), открытое донорство (open donation) («открытый донор» часто рассматривается как термин синонимичный термину «известный донор», хотя в случае с открытым донорством реципиент и донор могут быть не знакомы, он лишь указывает на договоренность о том, что реципиент/ребенок смогут получить доступ к идентифицирующей информации донора). При этом в случае известного донорства реципиенты располагают намного большим количеством информации о доноре с самого начала, и этой информацией они в перспективе могут поделиться с ребенком [6].

Кроме того, практикуются смешанные варианты анонимности (mixed anonymity), предполагающие, что раскрывается лишь определенная информация о доноре. Разновидностью смешанного варианта является «открытое-анонимное донорство» (known-anonymous

donation), описанное в бельгийском исследовании доноров ооцитов [7]. Открытое-анонимное донорство основано на сложной системе, когда каждый реципиент приводит в программу своего донора, ооциты которого распределяются среди четырех других реципиентов. Взамен каждый реципиент получает от четырех до пяти последовательных циклов донации ооцитов, каждый раз получая порцию ооцитов от других доноров, приведенных в программу другими парами-реципиентами [7].

Таблица отражает значительные различия в подходах к анонимности донорских программ в странах с различными правовыми и культурными традициями. Западноевропейские и скандинавские страны чаще выбирают модели открытого донорства, тогда как в большинстве стран Азии, Латинской Америки и Восточной Европы преобладает модель полного анонимного донорства. Однако

Таблица 1. Сравнительный анализ правовых систем по вопросу анонимности донорских программ в репродукции человека

Table 1. Comparison of legal systems for donor anonymity in human reproduction

Страна	Модель донорства	Правовой статус анонимности	Права ребенка на информацию
Германия	Открытое донорство	Анонимность отменена в 2017 году.	Ребенок может получить данные о доноре через реестр в любом возрасте
Швеция	Открытое донорство	Анонимность отменена в 2001 году	Ребенок имеет право узнать личность донора по достижении 18 лет
Великобритания	Открытое донорство	Анонимность отменена в 2005 году	Ребенок имеет право узнать имя, дату рождения и место проживания донора с 18 лет
США	Частично анонимное донорство	Донорство регулируется на уровне клиник; анонимность возможна	Ребенок может узнать данные донора только с согласия последнего
Россия	Выбор модели	Донор может выбрать анонимное или открытое донорство	Ребенок не может узнать личность донора
Бельгия	Выбор модели	Донор может выбрать анонимное или открытое донорство	При открытой модели ребенок может узнать данные донора после достижения совершеннолетия
Польша	Анонимное донорство	Анонимность закреплена законом	Ребенок не может узнать личность донора
Чехия	Анонимное донорство	Анонимность закреплена законом	Ребенок не может узнать личность донора
Бразилия	Анонимное донорство	Анонимность закреплена законом	Ребенок не может узнать личность донора
Иран	Анонимное донорство	Анонимность закреплена законом	Ребенок не может узнать личность донора
Индия	Анонимное донорство	Анонимность закреплена законом	Ребенок не может узнать личность донора
Китай	Анонимное донорство	Анонимность закреплена законом	Ребенок не может узнать личность донора

Примечание: Таблица составлена авторами на основе открытых данных, публикуемых правительствами в сети Интернет. Данные следует толковать как актуальные на момент проведения исследования ввиду подвижности нормативных рамок и регулярного обновления законодательных норм.

Note: Table compiled by the authors from open data published by governments online. The data should be interpreted as current at the time of the study, given the fluidity of regulatory frameworks and the regular updating of legislative norms.

и здесь есть нюансы. В большинстве стран Восточной Европы разрешено только анонимное донорство (например, Польша и Чехия), но в Украине и Болгарии можно воспользоваться услугами знакомого донора [4]. В большинстве стран Латинской Америки предпочтение отдается анонимному донорству [8], хотя Уругвай и Аргентина уже начали движение в противоположном направлении: в этих странах идентифицирующие данные донора могут быть раскрыты решением суда по запросу ребенка, рожденного в результате донации, или его потомков [9]. В других юрисдикциях, например в Великобритании, Швеции, Швейцарии, Норвегии, анонимное донорство спермы законодательно запрещено, а каждый ребенок, рожденный от донора, по достижении 18 лет имеет право получить доступ к персональным данным своего биологического отца [10].

Анализ этических аспектов проблемы применения вспомогательных репродуктивных технологий

Одна из наиболее острых дискуссий вокруг этичности анонимных программ в репродукции человека развернулась между бельгийским исследователем в области этики ВРТ Гвидо Пеннингзом (Guido Pennings) [18–20] и Соней Аллан (Sonia Allan) [21, 22], специалистом в области психологии и законодательства ВРТ, которая принимала непосредственное участие в австралийской реформе. Дискуссию, посвященную введению ретроспективного закона об отмене анонимности доноров гамет в штате Виктория (Австралия), открыла статья Пеннингза с выразительным названием «Как уничтожить донорство гамет: ретроспективное законодательство и анонимность доноров» (How to Kill Gamete Donation: Retrospective Legislation and Donor Anonymity) [18]. Основной аргумент Пеннингза заключается в том, что закон об открытом донорстве ставит во главу угла права ребенка знать своих биологических родителей, что наносит прямой ущерб интересам других сторон, в частности доноров, нарушая основные этические правила [18]. Пеннингз утверждает, что сторонники открытого донорства склонны прибегать к аналогии с усыновлением, подразумевая таким образом, что донор гамет подобен родителю, который отказывается от своего ребенка и отдает его/ее в приемную семью, а, значит, в перспективе эти же аргументы могут использоваться и для того, чтобы навязать донору родительские права и обязанности. Иными словами, «если донор не готов (а) стать [социальным] родителем ребенка, он или она не должны становиться донорами» [18]. Кроме того, деанонимизация доноров наносит ущерб интересам родителей-реципиентов, поскольку принуждает их раскрыть своему ребенку то, о чем они хотели бы промолчать. Компромиссным вариантом, по мнению Пеннингза, могло бы стать раскрытие «неидентифицирующей информации», которая позволила бы удовлетворить любопытство ребенка и в то же время не нарушала права донора на неприкосновенность частной жизни [18].

С. Аллан, которая участвовала в подготовке ретроспективного закона об открытости доноров гамет, предложила свой взгляд на ситуацию, подчеркнув, что получение информации о своих биологических родителях имеет

первостепенное значение для формирования идентичности ребенка. Ребенок не должен становиться средством для достижения цели продолжения рода (реципиентов или доноров), ребенок не должен лишаться выбора знать или не знать своего донора только потому, что этот выбор был уже сделан за него родителями. По ее мнению, система, которая «активно вводит людей в заблуждение относительно их происхождения», должна быть реформирована [21]. Аллан настаивает, что разнообразие семейных форм отражает современные тенденции развития общественной морали, и считает необходимым поддерживать это разнообразие через принципы открытости и честности: «Нам следует поддерживать детей, которые хотят получить информацию, и доноров, которые хотят поднять завесу секретности и стыда, которая окружала их поступок» [22]. Для защиты права донора на неприкосновенность частной жизни исследовательница предлагает применять «вето на контакт»: ребенок может получить полную информацию о своих биологических родителях, но при этом должен уважать нежелание донора вступать в какой-либо контакт с ним. Кроме того, донорам могут быть предложены услуги психологического консультирования. Также Аллан не разделяет оптимизма Пеннингза по поводу предоставления «неидентифицирующей информации» в силу высокой неопределенности самого понятия «неидентифицирующей информации»: в результате ребенок получит «слишком мало информации или вообще никакой», или же, наоборот, информация будет настолько подробной, что это будет эквивалентно раскрытию личности донора [21].

Эта дискуссия обнажила многослойность проблемы репродуктивного донорства и ее глубокий культурный характер, вызвав исследовательский резонанс по всему миру и, в частности, в России. Правовая неопределенность, которую демонстрирует триединая модель, обсуждается в работах российских юристов Е. Е. Богдановой [23], З. В. Каменевой [24], Т. В. Красновой [25], Е. В. Титляновой [26] и др.

Доктор юридических наук Е. Е. Богданова [23] поднимает вопрос о проблеме определения пределов вмешательства государства в сферу регулирования использования генетических и вспомогательных репродуктивных технологий, подчеркивая, что действующее законодательство РФ и судебная практика не выработали единого подхода к определению понятия тайны частной жизни лица. З. В. Каменева [24] проводит анализ правового обоснования использования органов и тканей человека в гражданском обороте, обращая внимание на то, что требуется совершенствование гражданского законодательства, направленного на определение места и особенностей правового регулирования биологического материала человека. Однако автор отмечает, что биоматериал человека неоднороден, к нему применяется различное правовое регулирование, так как она служит различным целям, к примеру, донорские эмбрионы, сперма и ооциты необходимы для помощи лицам, страдающим бесплодием.

Кандидат юридических наук Тюменского государственного университета Т. В. Краснова [25] обращает внимание

на биоэтические предпосылки гражданско-правового положения реципиента в программе донорства ооцитов, отмечая, что именно его потребностью предопределено существование института донорства. Исследователь Дальневосточного федерального университета Е.В. Титлянова [26], рассматривая правовой статус донора гамет и эмбрионов, приходит к выводу, что действующее законодательство РФ не дает четкого представления о правовом положении доноров половых клеток. В связи с этим автор предлагает при создании правовых норм о донорстве гамет, среди прочих положений, закрепить обязательную анонимность доноров, участвующих в программах.

Российские исследователи в области социальных наук пытаются решить задачу поиска этически приемлемого компромисса между правом на генетическую идентификацию ребенка и стремлением родителей сохранить тайну рождения. В отличие от западноевропейского вектора на разнообразие семейных практик и моделей, российский культурный код диктует потребность в создании нормотипичной семьи, основанной на кровном родстве родителей и детей. Поэтому в ситуации вынужденной бездетности люди, прибегающие к помощи ВРТ, ожидают конфиденциальности, что справедливо и в отношении доноров [27, 28].

По мнению кандидата философских наук сотрудника Российского университета дружбы народов О.В. Саввиной [29], в контексте анонимного донорства важно учитывать как интересы ребенка, так и интересы донора. Автор высказывает предположение о том, что для сохранения традиционной семьи необходимо сделать легальной только анонимную донацию гамет, так как иные варианты могут повлечь за собой такие проблемы, как статус донора в семье, ответственность донора и его общение с ребенком и прочее. Кандидат юридических наук Е.А. Демкина [30] считает, что в России существует необходимость на законодательном уровне зафиксировать положение о том, что анонимные доноры половых клеток не имеют права на информацию о дальнейшей судьбе своего «биологического материала» и об обязанности анонимного донора не устанавливать личность ребенка и реципиента, а также о запрете устанавливать личность донора реципиенту.

Социолог О.Г. Исупова [31], напротив, подчеркивает, что для людей важна возможность знать свои генетические «корни», что может быть «центром их идентичности». В соответствии с законодательством доноры гамет и яйцеклеток могут выбрать как анонимность, так и не анонимность, но большинство выбирает анонимность. Однако для получения знаний о своей наследственности в отношении возможной генетической предрасположенности к заболеваниям могут быть приняты законы, согласно которым дети, рожденные таким способом, должны иметь право получить информацию о своем происхождении.

Схожую позицию высказывает исследователь Южно-го федерального университета А.С. Шабанова³, отмечая, что в Российской Федерации регулирование тайны

репродуктивного донорства осложняют медицинский, нравственный и религиозный аспекты. Анонимное донорство ограничивает выбор донора общими характеристиками, тогда как при неанонимном донорстве личность донора известна, но доступ к ребенку возможен только с согласия родителей или самого ребенка. Автор предлагает разрешить разглашение данных донора в исключительных случаях: при медицинской необходимости (для предотвращения наследственных заболеваний, кровнородственных браков) или при обоюдном согласии родителей и донора. Для этого предлагается дополнить главу 10 СК РФ статьей, регулирующей такие ситуации в интересах ребенка.

Исследователь Воронежского института МВД России Е.Р. Сухарева [32] подчеркивает, что в вопросе анонимного донорства значимыми выступают два аспекта: медицинский и нравственный. С одной стороны, при анонимном донорстве существует вероятность кровосмешения. Решением данной проблемы может стать создание банка генетических данных, но при этом возникает риск раскрытия личности донора. Автор предлагает усовершенствовать законодательство путем признания необходимым создание банка генетических данных, доступ к которому должны иметь медицинские организации, занимающиеся вспомогательными репродуктивными технологиями, Министерство здравоохранения Российской Федерации и родители, лишь по желанию которых должно стать возможным раскрытие тайны зачатия и рождения ребенка с использованием репродуктивных технологий.

Кандидат юридических наук Д.А. Белова [33] также поддерживает идею о формировании единой базы данных доноров, находящейся в ведении Российской Федерации. Автор отмечает, что действующее законодательство РФ не ограничивает число детей, которые могут быть рождены в результате применения генетического материала одного и того же донора, вследствие чего, в случае анонимного донорства, на одной территории может быть рождено значительное число детей, являющихся кровными родственниками и не знающих об этом, что ведет к риску заключения кровно-родственных браков и рождения детей лицами, состоящими в близкой степени родства. В связи с чем, по мнению автора, лицо, рожденное в результате применения методов искусственной репродукции, должно иметь возможность знать свою генетическую историю, получать сведения о лицах, от которых оно происходит.

Доктор философских наук Л.П. Киященко и коллеги [34] рассматривают этико-антропологические дилеммы донации гамет и эмбрионов. По мнению исследователей, сценарии деторождения посредством ВРТ с привлечением дополнительных участников (доноров спермы, ооцитов или эмбрионов) возможны в контексте правового поля, однако законодательно закреплённая анонимность донора (кроме родственника реципиента) оставляет много нерешенных вопросов, связанных с проблемами наслед-

³ Шабанова АС. Правовые проблемы репродуктивного донорства. В сб.: *Вопросы формирования и проблемы реализации национальной технологической инициативы в регионах: сборник докладов участников I Международной научно-практической конференции*. Ростов-на-Дону: ЮРИУФ РАНХиГС; 2019. С. 40–45.

ственных заболеваний, генетических аномалий и эпигенетических изменений. Также авторы солидарны с мнением, что анонимность доноров грозит возможностью непреднамеренного инцеста, трудностями самоидентификации ребенка и закрытостью его генеалогии. В то же время авторы указывают на Семейный кодекс РФ, в соответствии с которым и донор, и родитель, и ребенок, достигший совершеннолетия, имеют право предпринимать попытки установления биологического родительства и, как следствие этого, расширять систему семейных связей и коммуникаций благодаря знакомству с биологическими сиблингами, тем самым образуя новый тип семей — генетические семьи.

С этой позицией соглашается исследователь И. Н. Петракова [35]. Рассматривая категорию анонимности, автор подчеркивает ее неоднозначность в сфере вспомогательных репродуктивных технологий. Говоря о том, что анонимность донора, с одной стороны, защищает его самого, будущего ребенка и людей, пользующихся донорским материалом, от нежелательных контактов, возможных претензий, психологических сложностей и т. д., но, с другой стороны, оставляет много нерешенных вопросов.

Кандидат юридических наук О. Н. Надоненко⁴ высказывает мнение о необходимости снятия анонимности с доноров спермы для дальнейшего развития системы ВРТ в России. По мнению автора, это позволит разрешить ряд проблем, связанных с установлением реального числа рожденных детей от одного донора, и, как следствие, проблем с потенциальными близкородственными браками, а также отслеживание болезней, которые имеют под собой генетическую основу и проявляются с возрастом.

Риски законодательной деанонимизации доноров

Одним из главных рисков является уменьшение количества желающих стать донорами. Возможность раскрытия данных может демотивировать потенциальных доноров, особенно если они опасаются социального осуждения, нарушения личной жизни или юридической ответственности. Как показал опыт ряда стран, это опасение оправдано. Например, с проблемой нехватки доноров столкнулись в Швеции, которая запретила анонимное донорство спермы еще в 1985 г. [37]. В Великобритании, где аналогичный закон введен в 2006 г., количество доноров спермы не уменьшилось, однако увеличился процент открытых доноров, являвшихся друзьями или родственниками бесплодной пары [38]. Иными словами, столкнувшись с нехваткой доноров, реципиенты активизировали свой социальный капитал, чтобы получить донорскую сперму. Американское исследование⁵ показывает, что 29% респондентов, готовых сдать сперму анонимно, отказались бы от этой процедуры, если бы их обязали дать согласие на раскрытие своих данных по запросу ребенка. Отмечается, что отмена анонимности позволяет защитить права ребенка, но «в ущерб доступности услуг» [39]. Это

стимулирует репродуктивный туризм в страны, где пул доноров больше и разрешена анонимность [40].

Аналогичное мнение высказывают Альварес Пласа и Пичандо Галан [9], отмечая также, что альтернативой репродуктивному туризму является репродуктивная самоорганизация (reproductive self-management), например использование специальных сайтов или личных контактов для получения донорской спермы. Проблему нехватки доноров предлагается решать за счет повышения оплаты донорам за сдачу биоматериала или, если платное донорство запрещено, выплаты «комплексной компенсации» (см., например, [38]). В ответ на это предложение Г. Пеннингз выразил сомнение в том, что «комплексная компенсация» позволит увеличить количество доноров гамет, подчеркнув при этом, что в ситуации «на безрыбье» это, по крайней мере, позволит предотвратить «полный коллапс системы» [20].

Проблема нехватки доноров в случае принудительного введения принципа открытости доноров может особенно остро ощущаться представителями этнических меньшинств [39], поскольку таким образом они будут еще более ограничены в выборе доноров с желаемыми характеристиками, кроме того, в зависимости от культурного, социального и религиозного контекста такие пары часто предпочитают скрывать сам факт искусственного оплодотворения от своего окружения [7]. Отмечается, что даже в случае, если анонимное донорство в той или иной стране законодательно запрещено, это не означает, что все дети, рожденные в результате применения ВРТ, автоматически смогут реализовать свое право узнать о своем генетическом происхождении, поскольку родители-реципиенты могут просто утаить сам факт применения ВРТ от ребенка (например, в Швеции более 80% родителей-реципиентов предпочли скрыть эту информацию от своих детей [38]).

Вторая группа рисков связана с психологическим давлением на донора. Раскрытие личности донора может стать причиной стресса, особенно если с ним свяжется ребенок или его родители. Это может привести к негативным психологическим последствиям, включая чувство вины, ответственности или дискомфорта. Кроме того, возникает проблема юридической неопределенности и конфликтов, связанных с правовым статусом донора. (например, привлечение донора к материальной или иной ответственности за ребенка, несмотря на отсутствие официальных родительских прав). Важно учитывать, что даже при формально закрепленной анонимности существуют риски утечки данных из клиник или государственных реестров. Это может повредить доверию к системе репродуктивных технологий.

Третья группа рисков — нарастание семейных конфликтов. Раскрытие личности донора может вызвать конфликты в семьях реципиентов. Это может повлиять на отношения между родителями и ребенком, а также

⁴ Надоненко ОН. Анонимность доноров спермы — объективная необходимость или «коммерческая тайна». В сб.: *Технологии XXI века в юриспруденции: материалы Второй международной научно-практической конференции*; Екатеринбург, 22 мая 2020 года. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет; 2020. С. 268–273.

⁵ Cahn RN, Kramer W. *Sperm donors should not be anonymous*. The New York Times. 2011. Available from: <https://www.nytimes.com/roomfordebate/2011/09/13/making-laws-about-making-babies/sperm-donors-should-not-be-anonymous> (дата обращения: 10.01.2025).

вызвать напряженность между донором и реципиентами. Испанское общество репродукции (La Sociedad Española de Fertilidad⁶) подчеркивает риск того, что фигура донора может оказать негативное воздействие на роль родителя и всю семью, а также нарушить «здоровое развитие привязанности и идентичности» [41].

ОБСУЖДЕНИЕ

Как показывают новейшие исследования, готовность европейского общества к открытости в репродуктивном донорстве оказалась переоценена. В частности, Дебора Демпси и коллеги указывают на негативные последствия открытости для разных типов семей, связанные с чувством собственной родительской неполноценности («ненастоящие» родители) или страхом стигматизации детей [11]. Шведское лонгитюдное исследование обнаруживает факт, что по прошествии 14–17 лет после процедуры донации более 30% доноров не готовы контактировать с возможным потомством [12]. Лишь пятая часть анонимных доноров сожалеет о том, что упустили возможность для взаимодействия с рожденными в результате программы детьми [13]. Эти данные объясняют стремление исследователей смягчать формулировки унифицированных требований к донорским программам и искать гибкие решения для отдельных случаев [14].

В большинстве мусульманских стран донорство гамет запрещено (исключение — Иран). В Сингапуре, Таиланде и Индии соблюдается принцип анонимности доноров. В Китае анонимности доноров спермы придается большое значение в связи со значимостью, которая придается генетическому происхождению ребенка в китайской культуре, и опасением, что использование донорской спермы может в дальнейшем повредить целостности семьи [15, 16].

Если национальное законодательство предоставляет большую степень свободы в выборе вариантов анонимности/открытости, этот вопрос часто решается на уровне клиник и/или на индивидуальном уровне (доноры, реципиенты). Например, в США значительная часть доноров спермы остаются анонимными, поскольку нет законодательного требования о раскрытии личности донора, хотя на уровне конкретных клиник и центров репродуктивной медицины могут существовать программы открытого донорства и программы, в рамках которых реципиенты и дети, рожденные в результате применения ВРТ, могут запрашивать данные о донорах [17].

Россия является одной из немногих стран, где применяется триединая система донорства гамет (triple-track system) [4]. Такая система позволяет выбирать из трех вариантов донорства: анонимное, с возможностью идентификации донора и знакомый донор. Российское законодательство ориентировано, в первую очередь, на интересы реципиентов, а также защищает анонимность доноров. Доноры не имеют родительских прав и юридических обязательств по отношению к ребенку, рожденному в результате искусственного оплодотворения. Соответственно, ребенок не имеет права узнавать информацию о доноре.

Важным правовым вопросом, вызвавшим споры в научном сообществе, стал вопрос о ретроактивности де-анонимизирующих законов, что позволяет применять принцип открытости даже в отношении тех доноров, которые участвовали в программах ВРТ на условиях анонимности. Подобные прецеденты имели место, например, в Швейцарии в 2004 г. и в австралийском штате Виктория в 2017 г. В целом выбор подхода определяется не только правовыми, но и социально-культурными и этическими особенностями. Каждая из моделей имеет свои преимущества и ограничения, что требует внимательного анализа при разработке национальных правовых и этических стандартов.

Важно подчеркнуть, что научный дискурс в целом отражает тенденции общественных настроений. По некоторым данным [37], более 64% россиян поддерживают принцип анонимности в репродуктивном донорстве, однако значительная доля респондентов вообще не имеет определенной позиции по данному вопросу (выборка не являлась репрезентативной, результаты стоит оценивать как условные). Этическая сложность вопроса, переплетение правовых, культурных, медицинских и психологических аспектов позволяет предположить, что его бескомпромиссное решение вряд ли возможно. Вместе с тем проведенный анализ позволяет выделить ряд рисков деанонимизации доноров, которые стоит учитывать в этическом и правовом дискурсе репродуктивного донорства.

Вероятные способы минимизации рисков законодательной деанонимизации доноров находятся в правовой и организационной плоскостях. В частности, защита прав донора на законодательном уровне, где предусмотрено, что донор не несет никаких юридических обязательств перед ребенком и его семьей, позволит минимизировать страхи доноров перед возможными правовыми последствиями. Еще один потенциальный механизм защиты — создание безопасных реестров. Для предотвращения утечек данных требуется внедрить современные системы защиты информации, включая шифрование и ограничение доступа к реестрам доноров. Разглашение информации о доноре должно быть строго регламентировано и допустимо только в исключительных случаях, например при медицинской необходимости или при взаимном согласии всех сторон. Важным аспектом является, на наш взгляд, также доступность достоверной и исчерпывающей информации о донорстве и его возможных последствиях. Организация психологической помощи для доноров и реципиентов может снизить уровень стресса и способствовать соблюдению баланса интересов всех участников программы репродуктивных технологий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный сравнительно-правовой анализ анонимности донорских программ в репродукции человека выявил значительные различия в подходах разных стран к данному вопросу. В странах с открытым донорством, таких как Великобритания, Швеция и Германия, особое

⁶ La Sociedad Española de Fertilidad Available: <https://www.sefertilidad.net/> (дата обращения: 09.10.2025).

внимание уделяется праву ребенка знать свое генетическое происхождение. В то же время большинство отечественных исследователей, работы которых мы рассмотрели в данной статье, говорят о том, что российские реципиенты стремятся к анонимности, потому что главным для них является создание традиционной нуклеарной семьи с набором соответствующих прав, обязанностей и статусов.

Анализ этических аспектов проблемы применения ВРТ подчеркнул необходимость учета интересов всех сторон, включая ребенка, родителей и донора. Считается, что стороной, потенциально заинтересованной в раскрытии идентифицирующей информации о доноре, является прежде всего ребенок, в то время как доноры и реципиенты могут иметь разнообразные оценки анонимности и мнения относительно необходимости и условий раскрытия информации. Различаются и их мотивации, влияющие на решение сохранить анонимность или «играть в открытую». Нарушение баланса между этими интересами может привести к социальным и психологическим последствиям, таким как снижение числа доноров, эмоциональное давление на участников программ и возможные конфликты внутри семей.

Анализ рисков законодательной деанонимизации доноров выявил ключевые угрозы, среди которых снижение количества доноров, утечка персональных данных, юридическая и социальная неопределенность статуса донора

и риски внутрисемейных конфликтов. Вместе с тем были предложены пути их минимизации: законодательные гарантии для доноров, ограниченное раскрытие данных по медицинским показаниям, усиление защиты персональной информации и предоставление психологической помощи.

В исследовательской литературе существует консенсус относительно того, что развитие технологий доступного генетического тестирования делает абсолютную анонимность доноров невозможной. Это будет стимулировать движение многих стран в сторону принципа открытости, а также потребует пересмотра механизмов информирования доноров (и, возможно, реципиентов) и защиты их права на частную жизнь. Тенденции, свойственные европейским странам, могут значительно отличаться от тенденций, преобладающих в странах, ориентированных на сохранение традиционных форм семьи. Кроме того, курс на открытое донорство может приводить к уменьшению количества доступных доноров и потому не должен реализовываться в ущерб интересам наиболее уязвимых групп реципиентов, например обладающих меньшими финансовыми возможностями или принадлежащими к определенным этническим меньшинствам, которые могут пострадать из-за уменьшения пула доноров вследствие деанонимизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Cowden M. "No Harm, no Foul": A Child's Right to Know their Genetic Parents. *International Journal of Law, Policy and the Family*. 2012;26(1):102–126. <http://dx.doi.org/10.1093/lawfam/ebf021>
2. Blyth E, Crawshaw M, Frith L, Jones C. Donor-conceived people's views and experiences of their genetic origins: a critical analysis of the research evidence. *J Law Med*. 2012;19(4):769–789.
3. Gong D, Liu YL, Zheng Z, Tian YF, Li Z. An overview on ethical issues about sperm donation. *Asian J Androl*. 2009;11(6):645–652. <https://doi.org/10.1038/aja.2009.61>
4. Lukaszewicz R, Ferraro AV. Anonymity and openness in gamete donation: the russian policy on the third-party reproduction. *Journal of Liberty and International Affairs. Institute for Research and European Studies — Bitola*. 2021;7(3):267–279. <http://dx.doi.org/10.47305/jlia21372671>
5. Чалова Л.Р., Локшин В.Н., Кинжибаев А.А. Донорство ооцитов с позиций медицинских работников. *Проблемы репродукции*. 2022;28(6):79–87. <https://doi.org/10.17116/repro20222806179>
6. Chalova LR, Lokshin VN, Kinzhibayev AA. Oocyte donation from medical professionals' view. *Russian Journal of Human Reproduction*. 2022;28(6):79–87 (In Russ.). <https://doi.org/10.17116/repro20222806179>
7. Appleby JB. *Regulating the provision of donor information to donor-conceived children: Is there room for improvement?* In: Golombok S, Scott R, Appleby J, Richards M, Wilkinson S, editors. *Regulating Reproductive Donation*. Cambridge: Cambridge University Press; 2016:334–351. <http://dx.doi.org/10.1017/cbo9781316117446.016>
8. Laruelle C, Place I, Demeestere I, Englert Y, Delbaere A. Anonymity and secrecy options of recipient couples and donors, and ethnic origin influence in three types of oocyte donation. *Hum Reprod*. 2011 Feb;26(2):382–390. <https://doi.org/10.1093/humrep/deq346>
9. Esparza-Pérez RV. Gamete and embryo donation regulation in human assisted reproduction technologies: Disclosure or nondisclosure? *Gaceta Médica de México*. 2023;155(1):3–13. <http://dx.doi.org/10.24875/gmm.m19000225>
10. Álvarez Plaza C, Pichardo Galán JI. La construcción del "buen donante" de semen: selección, elección, anonimato y trazabilidad. *Papeles del CEIC*. 2018;2018(2):194. <http://dx.doi.org/10.1387/pceic.18846>
11. Daniels K. Anonymity and openness and the recruitment of gamete donors. Part I: semen donors. *Hum Fertil (Camb)*. 2007;10(3):151–158. <https://doi.org/10.1080/14647270601110298>
12. Dempsey D, Nordqvist P, Kelly F. Beyond secrecy and openness: telling a relational story about children's best interests in donor-conceived families. *BioSocieties*. 2021;17(3):527–548. <http://dx.doi.org/10.1057/s41292-021-00225-9>
13. Lampic C, Thorup E, Bladh M, Nedstrand E, Brinck X, Skoog Svanberg A, Sydsjö G. Are open-identity donors prepared for release of their identity? Long-term follow-up of a national sample of oocyte and sperm donors. *Human Reproduction*. 2025;40(10):1947–1956. <http://dx.doi.org/10.1093/humrep/deaf134>
14. Pote V, Figueiredo D. Exploring Donor Attitudes and Psychological Experiences in Anonymous and Identity-Release Oocyte Donation: A Systematic Review. 2025. <http://dx.doi.org/10.21203/rs.3.rs-6034583/v1>. <https://www.researchsquare.com/article/rs-6034583/v1>
15. Martani A, Neeser N, Vulliamoz N, Pennings G. Challenges for the legislation enabling egg donation in Switzerland. *Med Law Int*. 2024;24(3):192–216. <https://doi.org/10.1177/09685332241269583>
16. Burr JA. To name or not to name? An overview of the social and ethical issues raised by removing anonymity from sperm donors. *Asian J Androl*. 2010 Nov;12(6):801–806. <https://doi.org/10.1038/aja.2010.60>
17. Ping P, Zhu WB, Zhang XZ, Li YS, Wang QX, Cao XR, Liu Y, Dai HL, Huang YR, Li Z. Sperm donation and its application in China: a 7-year multicenter retrospective study. *Asian J Androl*. 2011;13(4):644–648. <https://doi.org/10.1038/aja.2011.20>
18. Cohen G, Coan T, Ottey M, Boyd C. Sperm donor anonymity and compensation: an experiment with American sperm donors. *J Law Biosci*. 2016;3(3):468–488. <https://doi.org/10.1093/jlb/lsw052>
19. Pennings G. How to kill gamete donation: retrospective legislation and donor anonymity. *Hum Reprod*. 2012;27(10):2881–2885. <https://doi.org/10.1093/humrep/des218>
20. Pennings G, Mocanu E, Herrmann JR, Skytte AB, Burke C, Pacey A. Attitudes of sperm donors towards offspring, identity release and extended genetic screening. *Reprod Biomed Online*. 2021;43(4):700–707. <https://doi.org/10.1016/j.rbmo.2021.06.025>
21. Pennings G. Commentary on Craft and Thornhill: new ethical strategies to recruit gamete donors. *Reprod Biomed Online*. 2005;10(3):307–309. [https://doi.org/10.1016/s1472-6483\(10\)61788-9](https://doi.org/10.1016/s1472-6483(10)61788-9)
22. Allan S. Psycho-social, ethical and legal arguments for and against the retrospective release of information about donors to donor-conceived individuals in Australia. *J Law Med*. 2011;19(2):354–376.

22. Allan S. *Donor Conception and the Search for Information*. Routledge; 2016. <http://dx.doi.org/10.4324/9781315568171>
23. Богданова Е.Е., Белова Д.А. *Искусственная репродукция человека: поиск оптимальной модели правового регулирования*. Москва: Проспект; 2022. 234 с.
Bogdanova EE, Belova DA. *Artificial reproduction of humans: the search for an optimal legal regulation model*. Moscow: Prospekt; 2022. 234 p. (In Russ.).
24. Каменева З.В. Гражданско-правовой режим биологического материала человека. *Вестник Российской правовой академии*. 2021;2:89–94. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-2-89-94>
Kameneva ZV. Civil law regime of human biological material. *Bulletin of the Russian Law Academy*. 2021;(2):89–94 (In Russ.). <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-2-89-94>
25. Краснова Т.В. Биоэтические предпосылки гражданско-правового положения реципиента в программе донорства ооцитов. *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2022;(45):177–92. <https://doi.org/10.17223/22253513/45/12>
Krasnova TV. Bioethical premises of the civil law status of the recipient in the egg donation program. *Tomsk State University Journal of Law*. 2022;(45):177–192 (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/22253513/45/12>
26. Титлянова Е.В. Правовой статус донора гамет и эмбрионов. Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012;7:170–174.
Titlyanova EV. Pravovoi status donora gamet i embrionov [Legal status of gamete and embryo donors]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2012;7:170–174 (In Russ.).
27. Gramatchikova NB, Polyakova IG. Refining Methodological Reflection: Exploring the Interviewing Experience of Oocyte Donors. *Changing Societies & Personalities*. 2023;7(3):141–164. <http://dx.doi.org/10.15826/csp.2023.7.3.245>
28. Polyakova IG, Mazurov DO, Symanyuk EE, Khrantsova AYU. The Influence of Socio-Cultural Factors on Oocyte Donors' Motivations and Disclosure Decisions. *Changing Societies & Personalities*. 2022;6(3):594–609. <http://dx.doi.org/10.15826/csp.2022.6.3.191>
29. Саввина О.В. Этические основания регулирования донации гамет и практики со-parenting. *Актуальные проблемы российского права*. 2019;4:19–26. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.101.4.019-026>
Savvina OV. Ethical reasons for the regulation of gametes' donation and co-parenting. *Actual Problems of Russian Law*. 2019;4:19–26 (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.101.4.019-026>
30. Демкина Е.А. Анонимность доноров половых клеток. В сб.: *Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса на современном этапе: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции*; Краснодар, 18 февраля 2016 года. Краснодар: Краснодарский университет МВД России; 2016. С. 400–403.
Demkina EA. Anonimnost' donоров polovykh kletok [Anonymity of gamete donors]. V: *Aktual'nye problemy razvitiya grazhdanskogo prava i grazhdanskogo protsess na sovremennom etape: materialy IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*; Krasnodar, 18 fevralya 2016 goda. Krasnodar: Krasnodarskii universitet MVD Rossii; 2016. P. 400–403 (In Russ.).
31. Исупова О.Г. Вспомогательные репродуктивные технологии: новые возможности. *Демографическое обозрение*. 2017;4(1):35–64. <http://dx.doi.org/10.17323/demreview.v4i1.6987>
- Isupova OG. Vspomogatel'nye reproduktivnye tekhnologii: novye vozmozhnosti [Assisted Reproductive Technologies: New Opportunities]. *Demograficheskoe obozrenie*. 2017;4(1):35–64. <http://dx.doi.org/10.17323/demreview.v4i1.6987>
32. Сухарева Е.Р. Правовые проблемы современных репродуктивных технологий: генный материал и анонимность доноров. *Вестник Воронежского института МВД России*. 2014;2:22–28.
Sukhareva ER. Legal problems of modern reproductive technologies: genetic material and donor anonymity. *Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia*. 2014;2:22–28 (In Russ.).
33. Белова Д.А. Риски геномных технологий в сфере искусственной репродукции человека. *Пермский юридический альманах*. 2021;4:221–232.
Belova DA. Risks of genomic technologies in human artificial reproduction. *Perm Legal Almanac*. 2021;4:221–232 (In Russ.).
34. Киященко Л.П., Бронфман С.А., Майленова Ф.Г. Этико-антропологические дилеммы донации гамет и эмбрионов: коммодификация, альтруизм, мораль и будущее генетической семьи. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*. 2020;24(1):113–124. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2302-2020-24-1-113-124>
Kiyashchenko LP, Bronfman SA, Maylenova FG. Ethical-anthropological dilemmas of gamete and embryo donation: commodification, altruism, morality, and the future of the genetic family. *RUDN Journal of Philosophy*. 2020;24(1):113–124. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2302-2020-24-1-113-124>
35. Петракова И.Н. Анонимность как симулякр в современном мире. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2022;4:148–158. <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2022-4-148-158>
Petrakova I.N. Anonymity as a simulacrum in the modern world. *Izvestiya Tula State University*. 2022;4:148–158 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2022-4-148-158>
36. Хаят С.Ш., Курило Л.Ф., Черных В.Б. Этико-правовые проблемы анонимности доноров эякулята. *Андрология и генитальная хирургия*. 2017;4:57–60. <https://doi.org/10.17650/2070-9781-2017-18-4-57-60>
Khayat SSH, Kurilo LF, Chernykh VB. Ethical and legal problems of ejaculate donor anonymity. *Andrology and Genital Surgery*. 2017;4:57–60 (In Russ.). <https://doi.org/10.17650/2070-9781-2017-18-4-57-60>
37. Bernstein G. Unintended Consequences: Prohibitions on gamete donor anonymity and the fragile practice of surrogacy. *Indiana Health Law Review*. 2012;10(2):291–324. <http://dx.doi.org/10.18060/18826>
38. Cahn N. What's right about knowing? *Journal of Law and the Biosciences*. 2017;4(2):377–383. <http://dx.doi.org/10.1093/jlb/lxx018>
39. Craft I, Thornhill A. Would 'all-inclusive' compensation attract more gamete donors to balance their loss of anonymity? *Reprod Biomed Online*. 2005;10(3):301–306. [https://doi.org/10.1016/s1472-6483\(10\)61787-7](https://doi.org/10.1016/s1472-6483(10)61787-7)
40. Bauer T. A Systematic Review of Qualitative Studies Investigating Motives and Experiences of Recipients of Anonymous Gamete Donation. *Front Sociol*. 2022;7:746847. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2022.746847>
41. Riaño-Galán I, Martínez González C, Gallego Riestra S. Cuestiones éticas y legales del anonimato y la confidencialidad en la donación de gametos [Ethical and legal questions of anonymity and confidentiality in gamete donation]. *An Pediatr (Engl Ed)*. 2021;94(5):337.e1–337.e6. Spanish. <https://doi.org/10.1016/j.anpedi.2021.02.008>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Полякова Ирина Геннадьевна — кандидат социологических наук, заместитель директора по общим вопросам Уральского гуманитарного института федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина».

<http://orcid.org/0000-0002-9619-2152>

Швецова Анастасия Владимировна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории сравнительных исследований толерантности и признания федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина».

<http://orcid.org/0000-0002-3379-1959>

Валеева Марина Владимировна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник научной лаборатории «Лаборатория наукометрии» федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина».

<https://orcid.org/0000-0003-1623-8067>

Лебедева Анастасия Алексеевна — студентка федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева».

<https://orcid.org/0000-0001-5410-8234>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina G. Polyakova✉ — Cand. Sci. (Sociology), Deputy Director, Institute for the Humanities, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Russia.

<http://orcid.org/0000-0002-9619-2152>

Anastasia V. Shvetsova — Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher, Center for Comparative Studies of Toleration and Recognition, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin.

<http://orcid.org/0000-0002-3379-1959>

Marina V. Valeeva — Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher, Laboratory of Scientometrics, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin.

<https://orcid.org/0000-0003-1623-8067>

Anastasia A. Lebedeva — Student, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev.

<https://orcid.org/0009-0002-3088-871X>

✉ Автор, ответственный за переписку / Corresponding author